

Н.А. Энгельгардт

История Русской литературы XIX столетия

Том 2. 1850–1900

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Энгельгардт**
История Русской литературы XIX столетия: Том 2. 1850–1900 / Н.А. Энгельгардт – М.: Книга по Требованию, 2014. – 578 с.

ISBN 978-5-517-98331-2

ISBN 978-5-517-98331-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

спектъ къ обоимъ томамъ сочиненія, которые позволяютъ быстро и удобно наводить справки.

Въ нашемъ трудѣ мы держались хронологическаго метода изложенія, по десятилѣтіямъ, всѣхъ фактовъ и данныхъ литературной эволюціи, признавая его единственнымъ точнымъ и научнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, излагая исторію литературы по авторамъ, всегда дають выборъ, такъ сказать, букетъ литературныхъ цвѣтовъ, при чемъ на оцѣнку непременно вліяють или политическіе взгляды автора или его эстетическія пристрастія. Методъ этотъ совершенно субъективный, следовательно, анти-научный.

Наоборотъ, при хронологическомъ изложеніи всѣхъ явленій литературы по десятилѣтіямъ мы руководимся сравненіемъ и сопоставленіемъ, и логическій выводъ даетъ совершенно отъ насъ независящую, при всенечерывающей полнотѣ научнаго изученія, математически точную оцѣнку авторовъ и произведеній. Итакъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ методомъ совершенно объективнымъ, значить научнымъ. А главное, тутъ мы видимъ литературу такъ сказать «въ лицо» въ ея цѣломъ, какъ выраженіе народнаго и всечеловѣческаго самосознанія, какъ откровеніе духа народа и челоуѣчества. Большія личности отдѣльныхъ писателей не закрываютъ истиннаго колосса — народа, выразителями думъ и чувствъ котораго они являются. Принявъ методъ хронологическій по десятилѣтіямъ мы вступили въ области исторіи русской литературы XIX-го столѣтія на путь объективной научности. Насколько подвинулись мы по этому пути къ идеалу, судить, конечно, не намъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, хронологическое изложеніе чрезвычайно помогаетъ памяти усвоивать и припоминать историко-литературные факты, благодаря дѣйствующему здѣсь закону аналогіи.

Помимо метода работы, мы поставили передъ собою общую задачу и руководящіе взгляды, опредѣляющіе общія точки зрѣнія и всю систему нашего историко-литературнаго міросозерцанія. Намъ казалось, что послѣ субъективности метода обычнаго, популярно-учебнаго изложенія предмета исторіи литературы «по авторамъ», — научности изслѣдованія мѣшаетъ односторонность задачъ, хотя именно эта-то односторонность и можетъ сообщить книгѣ законченность краткой схемы. Намъ каза-

лось, что исторія литературы должна быть построена по четыремъ координатамъ. Основная задача—выясненіе преемства писателей въ выработкѣ литературныхъ формъ и самаго «образотворства». Форма прежде всего. Ибо пока не создана форма, самое богатое содержаніе остается безъ выраженія, скрытымъ, *in potentia*. Пусть народная душа чревата неисчерпаемыми сокровищами. Пока не выработана форма, или выработана несоответствующая народной идее, это богатство остается подъ спудомъ, какъ бы его и нѣтъ. Чтобы выразиться ярко для всего человѣчества, душа русскаго народа потребовала двухъ вѣковъ литературно-художественной эволюціи. Вопросы формы поэтому первые вопросы исторіи литературы. Она должна показать, какъ формы словеснаго искусства развивались, пока не были возведены въ перлъ созданія, и какую роль играли въ этой выработкѣ каждый писатель. Форма въ свою очередь опредѣляетъ литературныя школы.

Каждая школа является попыткой создать всестороннюю форму для всѣхъ выраженій народного творчества, для всѣхъ проявленій народного духа, и когда ея ограниченность, односторонность, негибкость выясняется, школа отживает свое и замѣняется новой, молодой, которой однако долго не уступаетъ, съ которой борется иногда яростно. Языкъ, стиль, вкусъ, проза и стихъ, конечно, прежде всего разрабатываются школами. Формы романа, драмы, лирики являются дальнѣйшей стадіей развитія школы. Въ нашемъ трудѣ мы даемъ исторію борьбы «шишковистовъ» съ «карамзинистами», «классиковъ» съ «романтиками», «западниковъ» съ «славянофилами», характеризуемъ направленія «шеллингианцевъ» и «гегельянцевъ», «натуральную» школу, «народничество», «пессимистовъ» 80-хъ годовъ и «эклектиковъ» *fin de siècle*.

Но если развивается форма, то не остается недвижной и живая полнота сущности народной души. Историческія событія и общественныя движенія колеблютъ народный океанъ и поднимаютъ со дна его такія мощныя движенія, что они сами бьютъ въ душу писателя и побуждаютъ его къ творчеству. Резонаторъ народной жизни, художникъ жадно ищетъ новыхъ формъ для выраженія того содержанія, которымъ переполнилась его душа благодаря приливу общественныхъ настроеній. Правда, иногда эти движенія бываютъ настолько бурны, а потому смѣ-

пашны и мутны, что художникъ не можетъ быстро удовлетворить потребности народной въ выраженіи ихъ въ словѣ. Онъ же творитъ медленно, выпашивая и для вѣковъ. Поэтому простой барабанщикъ, своимъ чуждымъ всякаго сомнѣнія быстрымъ боемъ, часто удовлетворяетъ скорѣе художника потребности минуты. Но хотя художникъ часто именно во время отлива и затишья выражаетъ въ вѣчныхъ образахъ то, что дала ему эпоха бури и натиска, войны и смуты, движенія и страстей народной души, хотя онъ пребываетъ въ безмятежной области чистой красоты и строгаго искусства, ни одна струйка народной жизни не пройдетъ безъ удара во всесозывчивое сердце поэта и, следовательно, не пройдетъ и безъ отзвука и отраженія въ его творчествѣ.

Писатель, если только онъ
Волна, а океанъ Россія,
Не можетъ быть не потрясенъ,
Когда возмущена стихія.

Вотъ почему историкъ литературы не можетъ пройти мимо явленій общественной жизни, великихъ реформъ, великихъ историческихъ событій изучаемой имъ эпохи. Онъ долженъ отмѣтить вліяніе ихъ на литературу.

Наконецъ, послѣдняя задача историка литературы должна состоять въ попыткѣ разгадать общую мысль данной эпохи, тотъ основной «тезисъ», который разрабатывала литература, ту тайну души народной, которая въ ней раскрылась.

Вотъ общія цѣли, которыя мы ставили себѣ въ нашемъ трудѣ.

Николай Энгельгардтъ.

Петербургъ.
16-го марта 1902 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пятидесятые годы.

(1850—1860).

I. Литература и цензура.—Министръ просвѣщенія Шишкинъ-Шихматовъ.—Просвѣщеніе «восточнымъ свѣтомъ».—«Разсмотрѣніе» философскихъ наукъ.—«Московскій Сборникъ».—Донесеніе Дубельта объ обществѣ славянофиловъ.—Ихъ чины и званія.—Воспрещеніе славянофиламъ писать и ливныи подлицейскій надзоръ за ними.—1853, 1854 и 1855 гг.—Стихи Хомякова.—«Флотъ пьлины Немира».—Мудрая предусмотрительность.—Записка Погодина.—Проектъ союза славянъ.—Кончина Николая I.—Записка «о царскомъ вѣремш».—«Гласность въ предѣлахъ осторожности».—Сдача Севастополя.—Впечатлѣніе удара.—Численное обиліе журналистики второй половины 50-хъ годовъ. Конецъ «Москвитинина».—Первый періодъ дѣятельности Каткова.—«Русскій Вѣстникъ».—«Англоманство» Каткова.—Заграничная дѣятельность Герцена.—«Колоколь».—Свиданіе Чичерина съ Герценомъ и его послѣдствія.—«Русская Беседа».—Русское возрѣніе.—Т. П. Филипповъ о «Лукреціи Флоріанн». Неусѣхъ журнала.—«Молва».—Статья К. Аксакова: «Опытъ шпионимовъ».—Публика—Народъ.—Запрещеніе газеты.—Идеи Ив. Кирѣевскаго.—Идеи Герцена.—Точки соприкосновенія.—Критика пятидесятихъ годовъ.—Возрожденіе ея въ 1855—1856 гг.—«Утилитарная» критика.—Николай Александровичъ Добролюбовъ.—Николай Гавриловичъ Чернышевскій.—«Эстетическая» критика.—Навель Васильевичъ Анненковъ.—«Органическая» критика.—Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ.—«Историческая» критика.—Александръ Васильевичъ Дружининъ.—II. Проза 50-хъ годовъ.—Гр. Левъ Николаевичъ Толстой.—«Дѣтство» и «Отрочество».—Способъ созданія.—«Казакъ».—Основная идея Толстого.—«Холстомеръ».—Военные рассказы.—«Семейное счастье».—Творчество Тургенева. Очерки изъ народнаго быта.—Типы культурныхъ классовъ.—Личные люди. «Дворянское гнѣздо». Необыкновенный успѣхъ романа.—Типы Лизы и Лаврецаго.—Типы Варвары Павловны и Пашина.—Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ.—Охотничьи книги его.—Литературныя воспомнанія.—«Семейная хроника».—Ея значеніе.—Народническая литература 50-хъ годовъ.—Повѣсти Григоровича. Потѣхина. Писем-

скаго. — Иванъ Тимофеевичъ Кокоревъ и его «Саввушка». — «Обломовъ». — Что такое обломовщина? — «Тысяча Душъ». — Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. — Его первый повѣсти. — Ссылка въ Вятку. — Служебная карьера. — «Губернскіе очерки». — III. Гоненіе на поэзію въ началѣ 50-хъ годовъ. — Постепенное упраздненіе отдѣла стихотвореній въ журналахъ. — Оедоръ Ивановичъ Тютчевъ. — Заграничная жизнь его. — Первое появленіе въ литературѣ и четырнадцатилѣтнее молчаніе. — Вторичное появленіе въ 1854 году. — Тютчевъ открытъ и признанъ. — Записка Тютчева о цензурѣ 1857 г. — Особенности творчества Тютчева. — Первокласное значеніе его лирики. — Фетъ и Майковъ. — Дидактическій и патриотическій періодъ творчества Майкова. — Поэмы «Двѣ судьбы» и «Барышня». — Возвращеніе къ чистой художественности. — «Рыбная ловля». — «Саванаролла». — «Три смерти». — Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой. — «Упырь». — Четырнадцатилѣтнее молчаніе гр. А. Толстого. — Появленіе въ 1854 г. — Лирика и баллады. — «Грѣшница». — «Іоаннъ Домаскинъ». — Левъ Александровичъ Мей. — Стихотворенія въ народномъ духѣ. — Библейскія подражанія. — «Пѣсь пѣсней». — «Отойди отъ меня сатана». — Анакреонъ и Оеокрытъ. — Переводы изъ славянскихъ поэтовъ. — Беранже. — Я. П. Полонскій. — Гр. Ростопчина. — П. Огаревъ. — «Зимній путь». — Ю. В. Жадовская. — Бенедиктовъ. — Плещеевъ. — Появленіе Апухтина и Случевского. — Молчаніе обоихъ на долгіе годы. — Творчество Некрасова. — «Маша», «Филантропъ», «Въ больницѣ». — «Поэтъ и гражданинъ». — «Убогая и нарядная», «Размышленіе у параднаго подъѣзда». — Муза — Гарпія. — «Саша». — «Власъ». — Иванъ Саввичъ Никитинъ. — «Русь». — «Кулакъ». — Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ. — IV. Драматическая литература 50-хъ годовъ. — Комедія Островскаго. — «Бѣдная пѣвѣста». — Трилогія: «Праздничный сонъ — до обѣда», «Свои собаки грызутся» и «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь». — «Гроза». — Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ. — «Судъ людской — не Божій». — «Чужое добро въ прокъ не идетъ». — Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ. — «Женитьба Кречинскаго». — «Дѣло». — «Смерть Тарелкина».

I.

§ 1. Пятидесятыя годы съ полнымъ правомъ можно назвать «переходнымъ» временемъ. Первая половина десятилѣтія характеризуется доведеніемъ до послѣднихъ предѣловъ слѣпой системы подавленія всякой живой мысли, всякаго добраго общественнаго почва. Система приводитъ къ полному краху. Россія потрясена севастопольскимъ громомъ. Императоръ Николай умираетъ, и съ воцареніемъ Александра II начинаютъ проникать первые лучи возрожденія въ затхлую атмосферу онѣмѣвшаго въ косной спячкѣ общества. Мы присутствуемъ какъ бы при началѣ весенняго половодья, которое наконецъ широкимъ разливомъ перебрасываетъ насъ въ великую эпоху шестидесятыхъ годовъ, эпоху 19-го февраля и послѣдующихъ реформъ.

Своею необычайной яркостью 60-е годы заслопили переходное предшествующее имъ десятилѣтіе, такъ что оно кажется намъ безцвѣтнымъ и не

значительнымъ. Но это не такъ. 50-е годы—интереснѣйшее и полное живаго содержанія время.

«Намъ вздумалось составить списокъ московскихъ литераторовъ, — писалъ Погодинъ, — и мы удивились, увидя передъ своими глазами около ста именъ. Между ними вы не найдете и пяти лицъ, которыя бы не имѣли опредѣленнаго предмета своихъ занятій, которыя бы не смотрѣли на литературу и науку съ важной точки зрѣнія».

Дѣйствительно, въ обществѣ русскомъ имѣлся запасъ людей, умовъ и талантовъ первоклассныхъ, сильныхъ характеровъ, ждавшихъ только минуты, чтобы начать дружную работу на всѣхъ поприщахъ. Но угнетеніе мысли въ первые годы десятилѣтія превосходило всякое вѣроятіе. Все было запрещено. Всѣ отдушины, чрезъ которыя мысль могла бы проникнуть къ солнечному свѣту и явить себя міру, были тщательнѣйшимъ образомъ закупорены.

«Вотъ сколько у насъ нынѣ цензуръ: общая при Министерствѣ народнаго Просвѣщенія, Главное управленіе цензуры, верховный негласный Комитетъ, духовная цензура, военная, цензура при Министер. Иностр. дѣлъ, театральная при Министер. Импер. Двора, газетная при Почтовомъ Департаментѣ, цензура при Третьемъ Отдѣленіи и новая педагогическая. Итого, десять цензурныхъ вѣдомствъ. Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдывающихъ цензурою, ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года. Я ошибся: больше. Еще цензура по части сочиненій юридическихъ при Второмъ Отдѣленіи и цензура иностранныхъ книгъ; всего двѣнадцать». (Никитенко).

27 января 1850 г. вышелъ указъ о назначеніи князя П. Алек. Ширинскаго—Шихматова министромъ народнаго просвѣщенія. Митрополитъ Филаретъ писалъ по этому случаю А. Н. Муравьеву: «князь Ширинскій — Шихматовъ министръ просвѣщенія; Норовъ его товарищъ; сіи конечно пожелаютъ просвѣщать восточнымъ свѣтомъ»¹⁾.

Просвѣщеніе «восточнымъ свѣтомъ» началось немедленно. Новый министръ заявилъ, что «польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ». Императоръ Николай, при назначеніи Ширинскаго, повелѣлъ ему представить соображенія, полезно ли преподаваніе философіи при «предосудительномъ» развитіи этой науки Германскими учеными, и не слѣдуетъ ли принять мѣры къ огражденію нашего юношества «отъ обольстительныхъ мудрованій новѣйшихъ философскихъ системъ».

Министръ представилъ свои соображенія. «разсмотрѣвъ» философію науки — логику, опытную психологію, теорію познанія, метафизику, нравственную философію.

По его сужденію Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель «въ философскихъ

¹⁾ Барсуковъ, Погодинъ. Книга одиннадцатая, стр. 20.

изслѣдованіяхъ своихъ не замѣчаютъ даже, существуетъ ли вѣра христіанская, а сами, съ помощью одного только ума, дерзновенно мечтаютъ познать начало». Хотя «приняты дѣятельныя мѣры къ наблюденію за духомъ и направленіемъ преподаванія», «сама наука по шаткости своихъ началъ», «всегда представляетъ случаи къ понозновенію». Князь признавалъ поэтому необходимымъ «изъять» изъ преподаванія философіи теорію познанія, метафизику и нравственную философію; послѣднюю «по практической безполезности ея для молодыхъ людей, ознакомленныхъ съ правоученіемъ христіанскимъ». Докладъ одобренъ и повелѣно читать одну логику и психологію, при чемъ соединить каедрѣ философіи и богословія.

Это распоряженіе лишило каедрѣ въ московскомъ университетѣ Каткова. Въ это время въ Москву пріѣхала балерина Фанни Эльслеръ. Какъ-то разъ поклонники запряглись въ ея карету. На козлахъ же помѣстился редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Хлоповъ. За это его лишили мѣста редактора и передали его съ 1851 года Каткову. Благодаря этой случайности онъ вступилъ на поприще публициста²⁾.

§ 2. Послѣ того, какъ въ университетахъ были угашены «западный свѣтъ» философіи, угасилъ и «свѣтъ восточный» въ лицѣ «славянофильвъ».

А. И. Кошелевъ предложилъ Н. С. Аксакову приступить къ продолженію изданія Московскаго Сборника, обезпечивая изданіе своими средствами. 26 ноября 1851 г. Н. С. Аксаковъ писалъ объ этомъ Н. С. Тургеневу, сообщая, что «на общемъ совѣтѣ теперь рѣшено» «расширить кругъ сотрудниковъ»; «Грановскій также участвуетъ и уже пишетъ статью: Братъ и я просимъ васъ, приелать непременно что-нибудь для нашего (Сборника)³⁾.

21 апрѣля 1852 года появился первый томъ Московскаго Сборника, задуманный въ четырехъ томахъ.

Вотъ его содержаніе: 1) Нѣсколько словъ о Гоголѣ. 2) О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи (письмо къ графу Е. Е. Комаровскому), П. В. Кирѣевскаго; 3) О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности (по поводу мнѣній о родовомъ бытѣ), К. С. Аксакова. 4) Мы родъ избранный, стихотвореніе А. С. Хомякова. 5) Могучимъ юности призывомъ, стихотвореніе Н. С. Аксакова. 6) Поѣздка русскаго землевладѣльца въ Англію на всемірную выставку, А. И. Кошелева. 7) Исковъ и Ливонія, С. М. Соловьева. 8) Русскія народныя пѣсни (изъ приготовленнаго къ изданію собранія П. В. Кирѣевскаго), съ предисловіемъ А. С. Хомякова. 9) Служилые люди въ Московскомъ Государствѣ, П. Д. Вѣляева. 10) Орывокъ изъ первой части Бродяги, Н. С. Аксакова.

²⁾ Н. А. Любимовъ. Статьи о Катковѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1888 г., № 1, стр. 44.

³⁾ Барсуковъ, Погодинъ. Книга двѣнадцатая, стр. 110.

На первый томъ Московскаго Сборника обратилъ особенное вниманіе министр Народнаго Просвѣщенія, князь П. А. Ширинскій — Шихматовъ. Онъ тотчасъ же по выходѣ его въ свѣтъ разсмотрѣлъ содержаніе его подробно и сдѣлалъ замѣчанія, которыхъ результатъ, 19 мая 1852 г., представить государю, пребывавшему въ то время въ Варшавѣ.

А. В. Никитенко, подъ 28 апрѣля 1852 года, записалъ въ своемъ дневникѣ: «Въ Москвѣ опять переолохъ. Тамъ издали Сборникъ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ и Аксаковымъ, въ которомъ, говорятъ, напечатаны очень сильныя вещи... О сборникѣ уже много толкуютъ въ публикѣ. Тучи собираются: быть грозъ. А кто виноваты?»

Дѣйствительно, виноваты были «безпокойные» люди, которые вмѣсто того, чтобы мирно получать оброки съ крестьянъ и ставить «благородныя спектакли», «мыслили, всему хотѣли знать корень—причину».

Въ своемъ докладѣ министр просвѣщенія обращалъ вниманіе прежде всего на «безотчетное расточеніе, выходящихъ изъ всякой мѣры, похвалъ Гоголю», на то, что П. Кирѣевскій утверждаетъ, что западное Просвѣщеніе не соответствуетъ пользамъ Россіи; что у нея были особенныя начала Просвѣщенія, не оцененныя Европейскимъ умомъ, которыми она жила прежде... «Явно, что въ этой, повидимому, благонамѣренной статьѣ, онъ не отдастъ должной справедливости безмернымъ заслугамъ великаго преобразователя Россіи и державныхъ его преемниковъ, которые не щадили трудовъ и издержекъ для усвоенія намъ образованности Запада».

Относительно статьи К. С. Аксакова «О древнемъ бытѣ Ширинскій писалъ: Авторъ «утверждаетъ, что въ древней Руси было общинное устройство или общинный бытъ; другими словами, въ ней преобладало начало демократическое. По мнѣнію К. Аксакова, примѣръ такого быта можно видѣть въ Новгородскомъ вѣчевомъ управленіи, а въ наше время онъ сохранился въ сходкѣ крестьянъ. Хотя съ одной стороны, эта статья имѣетъ форму историческаго изысканія, а съ другой — сухостью изложенія и длиннотой, отталкиваетъ отъ себя любителей легкаго чтенія, не менѣе того, она заслуживаетъ вниманія цензуры, какъ по новостн взгляда на предметъ, давно уже обсужденный, такъ и по распространившемуся демократическому направленію общественнаго мнѣнія въ иностранныхъ государствахъ, отъ котораго мы должны ограждать себя всеми возможными мѣрами. По моему убѣжденію, — заявляетъ знатокъ философскихъ наукъ, — демократическое начало было вообще чуждо древнему Русскому быту, и общинное устройство въ Новгородѣ и Псковѣ, безъ сомнѣнія, пришесть должно разнымъ торговымъ сношеніемъ ихъ съ Нѣмцами».

Съ своей стороны, и предѣдатель негласнаго комитета генералъ-адъютантъ Н. Н. Анненковъ обратилъ особенное вниманіе на «примѣчательную статью» К. С. Аксакова. Комитетъ по разсмотрѣніи нашелъ, что «открытие

исторической истины тогда только получаетъ практическую свою пользу и перестаетъ быть одной суетною игрою ума, когда, вмѣстѣ съ этою истинною, открываются и ея послѣдствія». «Если неоспоримо, что до Татарскаго періода въ устройствѣ Славянскихъ общинъ, господствовало нѣкоторое начало народнаго правленія и на примѣръ, въ удѣлахъ нерѣдко народъ призывалъ князей къ себѣ на княженіе, и даже изгонялъ ихъ, слѣдовательно, изысканія автора въ семь отношеніи не отклоняются отъ исторической истины, но неоспоримо, однакоже, и то, что по сверженіи Монгольскаго ига, указавшаго горькимъ опытомъ, какихъ послѣдствій ожидать должно отъ своевольства и безначалія, въ жизни Русскаго народа постепенно возникало совсѣмъ другое начало, именно начало единовластія и неограниченнаго самодержавія, утвержденное потомъ могучею рукою Петра Великаго, на началахъ Европейской государственной жизни. Стѣдственно, Аксакову подлежало указать, съ тѣмъ же неоспоримымъ его талантомъ, и всѣ помянутые перевороты, приведшіе насъ къ нынѣшнему порядку вещей—единственной основѣ покоя и благоденствія Россіи. Но онъ не дорисовалъ своей картины... Безъ объясненія перехода обновленной Россіи къ другимъ понятіямъ и къ другимъ формамъ, статья Аксакова, по мнѣнію Комитета, не слѣдовала быть допущена къ напечатанію не только въ литературномъ Сборникѣ, но даже въ изданіи специально посвященномъ ученой цѣли».

Комитетъ, слѣдовательно, требовалъ отъ К. С. Аксакова, чтобы онъ отказался отъ самой сути возрѣвнѣй славянофильской доктрины и принялъ совершенно противоположный ей взглядъ, такъ сказать «официальнаго западничества». А министръ по вопросу о народности не нашелъ у Аксакова народности «официальной».

Разсмотрѣвъ Московскій Сборникъ «отъ доски до доски», князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ пришелъ къ такому заключенію: «Когда я кончилъ разсмотрѣніе цѣлой книги, мнѣ само собою представилось замѣчательное сходство во взглядахъ участниковъ этого изданія... Осмѣливаюсь думать, что хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное, иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и, вмѣсто пользы, принести существенный вредъ. Повергая все сіе на благоразсмотрѣніе... считаю долгомъ донести, что мною сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) цензору, статскому совѣтнику князю Львову, разсматривавшему первый томъ Московскаго Сборника, за необращеніе подлежащаго вниманія на содержаніе заключающихся въ немъ статей, сдѣланъ строгій выговоръ... 2) Я обратилъ вниманіе... на собранія сочиненій разныхъ писателей, извѣстныя у насъ подъ названіемъ Сборниковъ... эти изданія, замѣняя нѣкоторымъ образомъ журналы, представляютъ ту же удобность развивать и распространять между читателями одну или нѣ-